

УДК 344.1:343.916

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-3-332-345

Девиантное поведение осужденных военнопленных и исправительно-профилактическое воздействие в их отношении: постановка проблемы

Андрей Петрович Скиба

Академия ФСИН России
(Рязань, Россия)
apskiba@mail.ru

Аннотация

В статье констатируется отсутствие национального регулирования вопросов обращения с интернированными осужденными военнопленными (в первую очередь, в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации) и только частичное их упоминание в Женевской конвенции «Об обращении с военнопленными», что особенно актуализируется проведением специальной военной операции на Украине. С учетом специфических индивидуализирующих признаков у осужденных военнопленных (наличие боевого опыта, психологической и иной специальной подготовки, нередко приверженность к радикальной идеологии и т. п.) для предупреждения их девиантного поведения анализируются положения конвенции, регулирующие отдельные аспекты применения режима, воспитательной работы, общественного воздействия и других средств их исправления со стороны государственных органов державы в плену державы, а также международных и национальных общественных организаций. Акцентируется внимание на средствах исправления, имеющих существенный профилактический потенциал, в частности, при обеспечении внутренней и внешней изоляции осужденных военнопленных, наложении на них дисциплинарных взысканий, в том числе путем предварительного заключения нарушителей в целях поддержания порядка и дисциплины, и т. п. Особое внимание в контексте обеспечения безопасности деятельности мест принудительного содержания осужденных военнопленных уделяется профилактике их членовредительства, в том числе при принятии решения об освобождении по состоянию здоровья, радикальных религиозных проявлений, а также иных негативных девиаций.

Ключевые слова

девиантное поведение, осужденные военнопленные, интернирование, исправление, предупреждение преступлений, режим, общественное воздействие

Для цитирования: Скиба, А. П. (2022). Девиантное поведение осужденных военнопленных и исправительно-профилактическое воздействие в их отношении: постановка проблемы. *Российский девиантологический журнал*, 2(3), 332–345. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-332-345.

Deviant behavior of convicted prisoners of war and corrective and preventive influence in their respect: statement of the problem

Andrey P. Skiba

The Academy of the FPS of Russia
(Ryazan, Russia)
apskiba@mail.ru

Abstract

The article states the absence of national regulation of the treatment of interned convicted prisoners of war (primarily in the Penal Code of the Russian Federation) and only a partial mention of them in the Geneva Convention «On the Treatment of Prisoners of War», which is especially updated by the special military operation in Ukraine.

Taking into account the specific individualizing characteristics of convicted prisoners of war (combat experience, psychological and other special training, often adherence to a radical ideology, etc.) in order to prevent their deviant behavior, the provisions of the convention regulating certain aspects of the application of the regime, educational work, and social influence are analyzed and other means of their correction on the part of the state authorities of the detaining power, as well as international and national public organizations.

Attention is focused on the means of correction, which have a significant preventive potential, in particular, by ensuring of the internal and external isolation of convicted prisoners of war, imposing disciplinary sanctions on them, including by provisional detention of offenders in order to maintain order and discipline, etc.

Particular attention in the context of ensuring the safety of the activities of places of detention of convicted prisoners of war is given to the prevention of their self-injury, including when deciding on release for health reasons, radical religious manifestations, as well as other negative deviations.

Keywords

deviant behavior, convicted prisoners of war, internment, correction, crime prevention, regime, social impact

Для цитирования: Skiba, A. P. (2022). Deviant behavior of convicted prisoners of war and corrective and preventive influence in their respect: statement of the problem. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(3), 332-345. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-332-345.

Проведение специальной военной операции на Украине и наличие различного уровня интенсивности военно-политических конфликтов в Закавказье, Средней Азии и других регионах, в которых принимают участие Вооруженные Силы Российской Федерации, подразумевают возможность захвата в плен военнослужащих, личного состава ополчения и иных лиц, участвовавших в боевых столкновениях со стороны других государств. Это требует особого внимания к специфике обращения с ними, в том числе к исправительно-профилактическому воздействию с учетом особенностей их поведения.

Фактически после захвата в плен противника у российских военнослужащих и иных представителей государственных органов России имеется два основных варианта действий после разоружения: 1) освобождение военнопленных или передача другому государству либо 2) обеспечение их изоляции и содержание на соответствующих российских объектах. Ввиду того что в первом случае военнослужащий другого государства после разоружения не остается под российским контролем, в данной статье будем рассматривать второй вариант.

Теоретически для эффективного контроля за поведением военнопленного в условиях изоляции целесообразно оперативно-режимное, воспитательное, коммунально-бытовое, санитарно-эпидемиологическое, ме-

дицинское и иное обеспечение его содержания (особенно, если боевые действия между государствами еще не прекратились). Этим занимаются военнослужащие, иные должностные лица российских государственных органов, а также соответствующие представители обществности.

Очевидно, что в условиях продолжающихся боевых столкновений военнопленные, с одной стороны, и военнослужащие другого государства – с другой, относятся друг к другу как к противоборствующим сторонам с вытекающими отсюда взаимоотношениями. Объективно эти лица нередко различаются по мировоззрению, религиозным, историческим, национальным и другим традициям, иными словами, изначально имеют специфические индивидуализирующие признаки, что еще более может осложнять их взаимоотношения.

Иногда приверженность к той или иной идеологии, особенно имеющей радикальный характер (ваххабизм, неоязычество и др.), может влечь нетерпимость к людям другой национальности, вероисповедания и т. п. (на это обращают внимание многочисленные исследователи (Арипшев, 2021; Ефанова, Дринова, 2016; Хаустова, 2018)), в том числе к гражданам страны, захватившей их и держащей в плену (Арчаков, 2011; Валиев, Гилязетдинов, 2019; Михайлов, 2019).

Как указывается в средствах массовой информации, ряд участников националистических боевых подразделений со стороны Украины исповедуют различные радикальные течения (включая оккультизм) и/или являются приверженцами неонацизма, принимают сильнодействующие препараты¹²³⁴, что влечет крайне агрессивное отношение к иным лицам. Кроме того, ряды Вооруженных Сил Украины регулярно пополнялись лицами, освобожденными из мест лишения свободы, что подразумевает одновременно распространность среди военнослужащих этого государства традиций криминальной субкультуры. При этом такие лица обычно наносят себе татуировки, определяющие их приверженность к конкретным неформальным идеям, неофициальный статус в иерархии указанных сообществ и пр., т. е. демонстративно выражают свои криминальные взгляды.

Следует учитывать, что, участвуя в боевых действиях, указанные лица нередко совершают преступления (против жизни и здоровья, против свободы, чести и достоинства личности, против общественной безопасности, против основ конституционного строя и безопасности государства, против мира и безопасности человечества и т. д.), тем самым готовы к правонарушающему поведению. Некоторые из них имеют дополнительную боевую, религиозную, психологическую подготовку и иные виды специальной подготовки, что также подразумевает их особую криминологическую характеристику.

Ввиду этого поведение военнопленных в принципе может обладать существенной спецификой и отличаться от общепринятых образцов. Военнопленные с учетом их менталитета обладают также иными специфическими индивидуальными признаками, которые будут наиболее ярко проявляться в условиях изоляции под контролем представителей государства, держащего их в плену.

По общему правилу, любые отклоняющиеся модели поведения лиц, которые не соответствуют как официальным нормам законодательства, так и неформальным правилам поведения, являются социальным феноменом и могут считаться девиантными (Гишинский, 1998; Гишинский, 2021). В этом случае особое значение имеет оценка конкретных действий, которые могут считаться девиантными, и в целом поведения военнопленных, особенно в условиях изоляции.

В девиантологии традиционно особое внимание уделяется различным проявлениям отклоняющегося

поведения – преступлениям (криминальному поведению), самоубийствам (суицидам), пьянству или наркотизму (зависимостям) и пр. (членовредительству, нарушениям пищевого поведения, игровой зависимости, коммуникативных и сетевых аддикций и т. д.) и их причинам, в том числе среди осужденных (аномии, эмоциональной неустойчивости, одиночеству, эгоизму, фатализму, жертвенности и пр.) (Змановская, 2021; Кириллова, Рогов, 2022).

”

*Для эффективного
контроля за поведением
военнопленного в условиях
изоляции целесообразно
оперативно-режимное,
воспитательное, коммунально-
бытовое, санитарно-
эпидемиологическое,
медицинское и иное
обеспечение его содержания*

“

В среде осужденных к лишению свободы с учетом условий изоляции, распространности традиций криминальной субкультуры и т. п. девиантные отклонения проявляются несколько иначе. К ним следует отнести нарушения установленного порядка отбывания наказания (начиная от прямых нарушений условий содержания до опосредованного уклонения от исполнения обязанностей и запретов), в том числе злостные – по ч. 1 ст. 116 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ); провокационное или демонстративно-шантажное, в том числе неуважительное, поведение по отношению к сотрудникам исправительных учреждений (далее – ИУ) и другим осужденным; агрессию; членовредительство; конфликты; несоблюдение

¹ <https://ria.ru/20220603/satanizm-1792956737.html>

² https://1tv-ru.turbopages.org/1tv.ru/s/news/2022-05-17/428986-o_novyh_strashnyh_faktah_zverstv_ukrainskih_natsistov_rasskazal_na_doprose_plenny_ukrainskiy_pogranichnik

³ https://1tv-ru.turbopages.org/1tv.ru/s/news/2022-05-08/428294-plennye_ukrainskie_morpehi_rasskazyvayut_o_predatelstve_komandirov_i_zverstvah_natsistov

⁴ <https://www.mk.ru/politics/2022/03/28/politolog-nazval-istoki-sadistskikh-naklonnostey-ukrainskikh-nacistov.html>

неформальных правил поведения; сексуальные перверсии; злоупотребление своими правами и т. п.

На практике нередко этому способствуют специфический неформальный статус осужденного, разрыв семейных связей, наличие тяжелых психических и иных заболеваний, принципиальное внутреннее несогласие с приговором суда и неприятие нормативно установленных правоограничений, наличие дополнительных изоляционных и иных условий, нахождение на профилактическом учете у оперативных сотрудников или на диспансерном учете у медицинских работников и т. п.

Наибольшее значение оценка девиантного поведения имеет в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) и других местах принудительного содержания, где, с одной стороны, в соответствии с уголовно-исполнительным и иным законодательством распорядок дня четко определен, а правила содержания, в том числе поведения лиц, наиболее урегулированы. С другой стороны, правила поведения осужденных в ИУ также определяются неформальными нормами взаимоотношений в их среде, в том числе обусловленных традициями криминальной субкультуры.

В этом случае девиантное (отклоняющееся) поведение осужденных нередко приравнивается к правонарушающему, что влечет за собой применение различных исправительно-профилактических мер в их отношении в соответствии со ст. ст. 1, 9, 82, 84 и др. УИК РФ. При этом всесторонне нормативно закрепляются полномочия соответствующих сотрудников государственных органов, обеспечивающих правопорядок в таких учреждениях и контроль за поведением содержащихся лиц. Традиционно в уголовно-исполнительном и ином законодательстве подобный подход имеет место в отношении осужденных и иных лиц, совершивших преступления, требующих их изоляции от общества.

С учетом общепринятой классификации поведенческих девиаций (негативные, позитивные и социально-нейтральные (Гилянский, 2004)) можно условно выделить следующие виды отклоняющегося поведения среди осужденных к лишению свободы:

– негативное, нарушающее и положения законодательства, и неформальные правила поведения (невыплата карточного долга, злоупотребление наркотиками, несоблюдение правил личной гигиены, следование оккультным или радикальным взглядам и т. д.);

– негативное, нарушающее только положения законодательства, но одобряемое с точки зрения неформальных правил поведения (поддержание традиций криминальной субкультуры, мужеложство, нанесение себе и другим лицам татуировок, отказ или уклонение от работы и т. п.);

– негативное, нарушающее неформальные правила поведения, но не преследуемое по законодательству (несоблюдение определенных традиций криминальной субкультуры, в частности, непосред-

ственное общение с осужденными с низким социальным статусом);

– социально-нейтральное, не нарушающее ни положения законодательства, ни неформальные правила поведения (злоупотребление правами, членовредительство без какой-либо цели (например, под влиянием психических расстройств или нервных срывов), суицид);

– позитивное, поощряемое с точки зрения законодательства и одобряемое в рамках неформальных правил поведения (активное участие в деятельности самодеятельных организаций осужденных, организация полупрофессиональных спортивных мероприятий, взаимодействие с представителями общественности для решения каких-либо имеющихся объективных проблем, активная реализация свободы совести и свободы вероисповедания осужденными-верующими официальных конфессий и пр.).

При этом оценки некоторых вариантов девиантного поведения осужденных могут зависеть и от целей, которые они пытаются достичь. Так, цели совершения членовредительства осужденных к лишению свободы могут быть разнообразными: уклонение от выполнения режимных и иных обязанностей; попадание в медицинскую часть или лечебно-профилактическое учреждение УИС (либо в гражданскую больницу); получение медицинской помощи, в том числе болеутоляющих и иных лекарств; оказание влияния на администрацию ИУ, дезорганизация ее деятельности, шантаж, в том числе для истребования «льгот», не предусмотренных законодательством или для решения неформальных вопросов, обусловленных традициями криминальной субкультуры; временная изоляция от других осужденных из-за конфликта; досрочное освобождение от отбывания наказания по состоянию здоровья; и т. п. (Токаев, 2003; Сажин, Юрьев, 1999; Дебольский, 2008; Скиба, 2010).

Кроме того, тяжесть причиненного вреда здоровью при совершении членовредительства может быть различна, вплоть до опасности смерти осужденного. В этом случае имеет место так называемый парасуицид, являющийся не столько попыткой лишить себя жизни, сколько желанием обратить на себя и свои проблемы внимание окружающих (Александров, Фомин, 2008). В подобной ситуации попытку суицида можно рассматривать как один из видов членовредительства осужденных.

Способы совершения членовредительства также могут быть разнообразными: нанесение себе порезов, голодовка, прыжок с высоты, проглатывание различных предметов, приобретение инфекционного заболевания путем непосредственного контакта с больным лицом, поджог и иные соприкосновения с высокими температурами и т. п.

Очевидно, что цели совершения членовредительства осужденных как проявления аутодеструктивного

поведения разнообразны, а некоторые из них направлены на противодействие деятельности администрации ИУ. В данном случае положение ч. 2 ст. 102 УИК РФ о необходимости осужденного возмещать ущерб, причиненный ИУ, и дополнительные затраты, связанные с его лечением в случае умышленного причинения вреда своему здоровью, не могут обеспечить системное противодействие этому негативному явлению.

Отдельно затронем вопрос реализации свободы совести и свободы вероисповедания (что является одной из форм общественного воздействия как средства исправления осужденных со стороны религиозных организаций) осужденными-верующими официальных конфессий – православия, ислама, буддизма, католицизма, протестантизма и других религий, распространенных по всему миру (Algranti, 2018; Manchado, 2016; Jang et al., 2019; Patlasov, 2017).

Уголовно-исполнительное законодательство (в первую очередь, ст. 14 УИК РФ) образует основу реализации данного права осужденных религиозными организациями при содействии сотрудников УИС. Вместе с тем здесь имеет место следующая проблема – сотрудники ИУ не вправе проявлять инициативу по приглашению соответствующих священнослужителей к конкретным осужденным, которые внешне имеют отношение к той или иной религии (указанная норма уголовно-исполнительного закона им этого не позволяет). Кроме того, в случае демонстративного совершения религиозных обрядов осужденными сотрудниками УИС, ввиду отсутствия специальных познаний, не всегда могут оценить (не-) традиционность (или даже возможную радикальность) тех или иных религиозных норм, реализуемых конкретными осужденными; это объективно затрудняет противодействие проявлению и распространению возможных радикальных идей в среде осужденных. В связи с этим сложно говорить об исчерпывающей регламентации таких вопросов, хотя традиционные конфессии обладают серьезным исправительно-профилактическим потенциалом. Более того, в настоящее время фактически отсутствуют надлежащая нормативная основа и комплексная методика противодействия радикальным проявлениям осужденных к лишению свободы (на практике применяются только отдельные меры (Алдашкин, 2016; Нурадинов, Джумагельдинов, 2022; Петрянин, 2013; Рудич, Жилко, 2021; Смирнов, Моисеев, 2021; Сорокин, Сорокина, 2016)), которые осуществляют свои действия экстремистского характера под видом традиционных религиозных постулатов.

Безусловно, подобные девиации требуют контроля со стороны администрации ИУ, что осложняется не только недостатками законодательства, но и возможным наличием специальной подготовки у таких осужденных военнопленных, которые к тому же могут

являться, например, приверженцами неонацизма или криминальной субкультуры.

В этом случае осужденные военнопленные представляют специальную категорию содержащихся лиц с особыми индивидуальными признаками, требующую специального исправительно-профилактического воздействия, что в российском уголовно-исполнительном законодательстве и на практике не учитывается. Для этого в юридической литературе предлагается сформировать уголовно-исполнительное законодательство военного времени (Ефремова и др., 2022; Скиба, 2015), которое, в свою очередь, может базироваться на аналогичном уголовном законодательстве с учетом ч. 3 ст. 331 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) (Ермолович, 2012; Ображиев, 2016).

Более того, военнопленные могут быть задержаны как в пределах России, так и на территории других государств, где действуют правоохранительные и иные органы нашей страны (до своего осуждения и начала отбывания наказания они фактически являются участниками уголовно-процессуальных правоотношений).

В изложенном контексте одним из нерешенных вопросов является проблема регулирования обращения с военнопленными (Пчелкина, 2016; Скиба, 2020; Юнусов, Гуриц, 2016). В настоящее время в России на законодательном уровне данная проблема практически не находит своего разрешения. Указанные лица вскользь упоминаются в Законе Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», УК РФ и некоторых иных нормативных правовых актах. Однако в российских нормативных правовых актах (например, в Конституции РФ, в Федеральном конституционном законе «О военном положении», Указе Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» и пр.) отсутствуют определение термина «военнопленные», регламентация правового положения военнопленных, осуществление контроля за их поведением, в том числе в условиях изоляции, учет состояния их поведения и иных индивидуализирующих признаков, применение индивидуальной воспитательной работы, организация режима отбывания наказания и других соответствующих исправительно-профилактических мер для недопущения совершения ими преступлений и правонарушений, а также для стимулирования правопослушного поведения и других вопросов обращения с ними.

При этом в ч. 2 ст. 7 и ч. 2 ст. 14 Федерального конституционного закона «О военном положении» предусмотрено интернирование (изоляция) в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права граждан иностранного государства, воюющего с Российской Федерацией. В то же время дальнейшей регламентации данного правового института не имеется, в том числе не определены места

принудительного содержания военнопленных (например, исправительные учреждения уголовно-исполнительной системы России с отдельным содержанием осужденных к лишению свободы), степень внешней изоляции (учреждения могут быть «открытыми» или только «закрытыми»), правовая основа особенностей ограничения прав интернированных лиц (в сравнении с «обычными» осужденными, находящимися в условиях изоляции) и осуществления исправительно-профилактического воздействия в их отношении и т. п.

”

В настоящее время фактически отсутствуют надлежащая нормативная основа и комплексная методика противодействия радикальным проявлениям осужденных к лишению свободы

“

Если предполагать, что после проведения соответствующих процессуальных мероприятий, вынесения и вступления в законную силу приговора суда в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) военнопленные будут отбывать лишение свободы или иное наказание, то в их отношении актуально достижение целей уголовно-исполнительного законодательства, т. е. применение средств исправления осужденных и мер по предупреждению совершения ими преступлений в соответствии со ст. ст. 1, 9 и др. УИК РФ. Так, в ст. 9 УИК РФ определены средства исправления осужденных (режим, воспитательная работа, привлечение к общественно полезному труду, общественное воздействие и т. д.), которые ориентируют осужденных, в том числе военнопленных, на соблюдение требований законодательства, дисциплинированность и другие аспекты правомерного поведения, иными словами, на недопущение правонарушений (девиаций).

В связи с тем что российское уголовно-исполнительное и иное законодательство не закрепляет никаких особенностей исправительно-профилактического

воздействия в отношении осужденных военнопленных с учетом их специфических индивидуальных признаков, а интернирование должно осуществляться «в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права» (как это прописано в Федеральном конституционном законе «О военном положении»), обратим внимание на Женевскую конвенцию от 1949 г. «Об обращении с военнопленными» (далее – Конвенция). В ней упоминается о мерах по предупреждению конкретных преступлений (например, в ст. 42), выделена отдельная категория военнопленных (ст. ст. 21, 82, 83, 84, 101, 108 и др.), к которым применяются «уголовные санкции» (т. е. осужденные военнопленные), закреплена возможность их интернирования (ст. 21), предусмотрено применение различных мер в их отношении со стороны государственных органов держащей в плену державы (ст. ст. 14, 15 и пр.) и международных и национальных общественных организаций (ст. ст. 37, 79 и др.).

В данном международном акте установлено также, что по ст. 14 держащая в плену держава может с учетом условий плена ограничивать осуществление прав военнопленных, а согласно ст. ст. 15, 22, 30 и др. она обязана бесплатно обеспечить их содержание, включая оказание медицинской помощи (аналогичным образом это закреплено и в российском уголовно-исполнительном законодательстве). Получается, что фактически государство, содержащее этих лиц, в том числе в условиях изоляции, ответственно за состояние их жизни и здоровья (даже при совершении ими членовредительств, включая суициды), поведение (их правомерные или правонарушающие действия) и пр., условия содержания в плену должны быть регламентированы в соответствующих национальных нормативных правовых актах (представляется, что основы ограничения прав военнопленных следует прописать на уровне закона, а их конкретизацию закрепить в подзаконных актах, как это сделано в отношении осужденных), а также оно обладает правом применения в их отношении соответствующих исправительно-профилактических и иных мер, в том числе для предупреждения негативных девиаций.

В Конвенции имеется ряд ограничений в контексте обеспечения безопасности содержащихся лиц и/или реализации принципа гуманизма в процессе проведения исправительно-профилактической деятельности администрацией соответствующих учреждений: запрет физического калечения военнопленных, проведения с ними научных или медицинских опытов (ст. 13); уважение к личности и чести (ст. 14); отсутствие их дискриминации по причинам расы, национальности, вероисповедания, политических убеждений и т. д. (ст. 16); запрет осуществления пыток и или других мер принуждения (угроз, оскорблений и пр.) для получения от них каких-либо сведений (ст. 17); расположение

учреждений для военнопленных должно быть далеко от зоны военных действий (ст. 19); запрет морально-го или физического давления на военнопленного в судебном преследовании при совершении уголовного проступка (ст. 99); запрет коллективных наказаний, телесных наказаний, лишения дневного света, иных проявлений пыток или жестокости (ст. 108) и т. п. Некоторые подобные положения имеются и в российском законодательстве, в частности, в ст. ст. 8, 12 и др. УИК РФ и в ст. ст. 9 и 16 УПК РФ. Однако в Конвенции при регулировании вопросов обращения с военнопленными в целом недостаточно учитываются их индивидуальные особенности.

В УИК РФ только в общих чертах определяются основы исправительного воздействия на осужденных, лишь в определенной степени учитываются их пол, возраст, состояние здоровья и иные отдельные признаки (Антонян, 2015; Минстер, 2018; Нистратова, 2017; Тепляшин, Тепляшина, 2019) (вообще не учитываются при организации такой работы следующие признаки осужденных: участие в боевых действиях, наличие соответствующей психологической подготовки, наличие тяжелого психического или иного заболевания, приверженность радикальным идеям и т. п. (Малолеткина, Скиба, 2022; Скиба, 2019)). Еще более обобщенный подход при регулировании применения отдельных средств исправления осужденных военнопленных прослеживается в Конвенции.

Рассмотрим, насколько закреплен в Конвенции профилактический потенциал режима как средства исправления осужденных. В соответствии с теорией уголовно-исполнительного права и уголовно-исполнительным законодательством режим создает основу для применения иных средств исправления осужденных, предупреждения преступлений и правонарушений, в том числе путем обеспечения внутренней и внешней изоляции осужденных, проведения обысковой (досмотровой) работы, оперативно-розыскной деятельности, использования технических средств контроля, введения режима особых условий и пр.

Так, в Конвенции (ст. ст. 18, 21, 25, 97, 108 и др.) имеет место ряд режимных требований, в определенной мере предупреждающих преступления и иные правонарушения военнопленных:

- запрещается выход с территории учреждений закрытого типа осужденных военнопленных (возможно, для недопущения совершения ими новых преступлений за пределами этих учреждений);
- изъятие ценных вещей осуществляется только для обеспечения безопасности (т. е. для соблюдения режимных требований и недопущения любых правонарушений военнопленных);
- женщины должны быть изолированы во время сна (по всей видимости, для предупреждения соответствующих преступлений против них) и т. д.

Таким образом, режим как средство исправления осужденных военнопленных урегулирован в общих чертах, без раскрытия профилактической функции и его важнейших составляющих (оперативно-розыскной деятельности и пр.), а также без обращения внимания на индивидуальные признаки интернированных лиц.

”

Российское уголовно-исполнительное и иное законодательство не регламентирует вопросы обращения с военнопленными и не готово к их решению, ввиду чего при возникновении рассматриваемых ситуаций основное внимание будет уделяться международно-правовому регулированию, где в отношении военнопленных предусматривается применение отдельных правовых институтов

“

Аналогичная ситуация с воспитательной работой, основные аспекты реализации которой в рассматриваемом международном акте не закреплены (в сравнении с российским уголовно-исполнительным законодательством). Так, в Конвенции (ст. ст. 89, 90, 95, 103 и др.) устанавливается порядок привлечения военнопленных к уголовной или дисциплинарной ответственности, в том числе в контексте предупреждения их новых преступлений и иных правонарушений:

- к дисциплинарным взысканиям относятся: арест до 30 суток; штраф; внеочередные наряды не свыше двух часов в день; и пр. (т. е., помимо прочего, предусмотрено взыскание, временно изолирующее правонарушителя от среды, в которой он совершил нарушение);
- военнопленные, обвиняемые в дисциплинарных проступках, содержатся в предварительном заключении на срок до 14 дней в целях поддержания порядка и дисциплины;
- предусматривается предварительное заключение военнопленных, совершивших преступления, на срок до трех месяцев и т. п.

Вместе с тем ряд положений Конвенции фактически некоторым образом может подталкивать военнопленных к совершению тех или иных преступлений и других правонарушений:

– побег или попытка к побегу, даже в случае рецидива, в целом не рассматриваются как отягчающие вину обстоятельства, если они не сопровождаются какими-либо насильственными действиями против жизни и здоровья и влекут за собой только дисциплинарные взыскания (ст. 93), иными словами, эти действия военнопленного фактически декриминализованы, что вряд ли будет способствовать обеспечению правопорядка в местах содержания интернированных;

– военнопленный не может использоваться на работах, расцениваемых как унижительные (ст. 52), тем самым поощряя возможность его уклонения или отката от работы как проявления негативной девиации;

– при решении вопроса о том, какие меры наказания должны применяться за преступления военнопленных, держащая в плену держава должна проявлять максимальную снисходительность при оценке этого вопроса и при всех возможных случаях прибегать скорее к дисциплинарным мерам, чем к судебному преследованию (ст. 83), что фактически ориентирует администрацию учреждения и не позволяет ей адекватно и соразмерно наказывать военнопленного за совершенное преступление и пр.

Изложенное выше существенно снижает профилактический потенциал применения воспитательной работы и иных средств исправления осужденных военнопленных.

Однако в Конвенции фактически отсутствуют меры по предупреждению многих негативных поведенческих девиаций, когда отдельные международные положения, даже закрепляя соответствующие права у осужденных, все равно не затрагивают данный вопрос:

– согласно ст. 108 военнопленные осужденные имеют право обращаться в соответствующие инстанции без всяких ограничений непосредственно или через доверенное лицо с просьбами или жалобами (т. е. никаких ограничений на злоупотребление этим правом не имеется, как и в российском законодательстве);

– военнопленным разрешается организовать между собой систему взаимопомощи (ст. 80); в этом случае фактически им позволяется иметь неформальную систему взаимоотношений, не подвластную властям державы, держащей их в плену (некий аналог своей субкультуры в условиях изоляции, что еще больше будет способствовать различным девиациям среди военнопленных) и т. д.

Еще более сложная ситуация – относительно права на получение медицинской помощи, когда оно практически никак не ограничивается членовредительным или иным правонарушающим поведением военнопленного, в том числе осужденного (как в целом и в российском законодательстве, за исключением положений ст. 102 УИК РФ), согласно ст. 108 Конвенции.

Так, в соответствии со ст. 30 Конвенции военнопленные, страдающие тяжелой болезнью, или состоя-

ние здоровья которых требует специального лечения, хирургического вмешательства или госпитализации, должны получить лечение в военном или гражданском медицинском учреждении за счет державы, держащей в плену (в том числе военнопленные, подвергнутые дисциплинарным взысканиям, по ст. 98), а в соответствии со ст. 17 в случае тяжелого физического или психического состояния они передаются на попечение медицинской службы. Кроме того, согласно ст. 21 военнопленных можно держать в запертых помещениях или запрещать покидать помещения в случае применения к ним уголовных и дисциплинарных санкций, если только эта мера не затрудняет охрану их здоровья (т. е. фактически можно их освобождать из изоляционных помещений по состоянию здоровья), а также военнопленным может быть под «честное слово» или обязательство предоставлена ограниченная или полная свобода, например, для улучшения состояния их здоровья (т. е. вне зависимости от возможного совершенного членовредительства).

При этом по ст. 33 Конвенции медико-санитарный состав из числа задержанных военнопленных (которые таковыми не должны считаться) также вправе оказывать медицинскую помощь (это фактически вообще не позволяет контролировать и применять какие-либо ограничения в этой сфере).

Таким образом, в рассматриваемом международном акте, несмотря на наличие положений относительно права военнопленных на получение медицинской помощи и на обращение в определенные инстанции, соответствующих ограничений для предупреждения негативных девиаций не предусматривается (большинство других правовых институтов, в контексте которых возможны девиантные проявления, Конвенции вообще не регулирует).

Ряд положений Конвенции содержит нормы относительно обращения с военнопленными, в частности, о привлечении их к общественно полезному труду (ст. ст. 49, 50, 52 и др.), об их переобучении (ст. 30) и общественном воздействии (ст. ст. 35 и 37).

Между тем Конвенция практически не регулирует социально-нейтральные и позитивные поведенческие девиации:

– в целом поощряется самоорганизация военнопленных и их взаимодействие с негосударственными, в том числе международными организациями; согласно ст. 79 они могут путем тайного голосования избирать доверенных лиц, которые представляют их интересы перед властями державы, держащей их в плену, Международным комитетом Красного Креста и иными организациями (ничего подобного в российском уголовно-исполнительном законодательстве не имеется);

– стимулируется учет индивидуальных признаков военнопленных, «относясь с уважением к личным склонностям каждого...» при организации их интел-

лектуальной просветительной и спортивной деятельности военнопленных (ст. 38) и т. п.

Более того, в соответствии со ст. ст. 28, 62, 79, 80 и др. Конвенции в среде военнопленных предусматривается возможность создания внутренней иерархической структуры через так называемых доверенных лиц. Так, во всех подобных учреждениях рядовые военнопленные могут избирать (а также переизбирать) путем тайного голосования каждые шесть месяцев доверенных лиц (или же им признается старший по званию и стажу военнопленный офицер), которые должны их представлять перед военными властями, державами-покровительницами, Международным комитетом Красного Креста и иными организациями, оказывающими им помощь. Причем таким лицам могут помогать консультанты (помощники). Доверенные лица обладают многочисленными полномочиями по участию в решении различных проблем: в работе по распределению прибыли ларьков, в которых военнопленные могут покупать продукты (и из которой доверенные лица, их консультанты и помощники получают заработную плату); по представлению интересов военнопленных перед властями; путем содействия физическому, моральному и интеллектуальному благосостоянию военнопленных; по управлению системой взаимопомощи между военнопленными и т. п.

При этом доверенные лица также вправе заниматься решением иных, в том числе неформальных вопросов среди военнопленных, так как имеют с ними одинаковые гражданство, язык и обычаи. Более того, военнопленные, распределенные по различным секторам учреждения в соответствии с их гражданством, языком и обычаями, будут иметь в каждом секторе свое доверенное лицо. В таком случае фактически создается альтернатива официальному управлению со стороны администрации места принудительного содержания интернированных (и даже в какой-то мере она фактически может быть неким аналогом неформальной субкультуре, укоренившейся в учреждениях). Очевидно, что в данных сообществах, с учетом специфических индивидуальных признаков военнопленных, наличия у них своих национальных и иных обычаев и т. п., правила поведения, как и девиантные проявления, могут отличаться от общепринятых как в государстве, держащем в плену, с одной стороны, так и среди большинства военнопленных – с другой.

Это также свидетельствует о необходимости разработки системы исправительно-профилактического воздействия осужденных военнопленных с учетом их девиантного поведения, что требует соответствующего нормативного обеспечения.

В то же время в Конвенции имеют место отдельные положения, в той или иной степени образующие правовую основу для предупреждения отдельных про-

явлений девиантного поведения осужденных военнопленных:

– обращает на себя внимание наличие запрета коллективных дисциплинарных взысканий, затрагивающих питание (ст. 26 Конвенции), что теоретически подразумевает возможность применения данного взыскания в индивидуальном порядке в отношении конкретного военнопленного. Фактически возможность применения данной меры может нивелировать одну из негативных поведенческих девиаций – членовредительство осужденного путем голодовки (что в целом отсутствует в российском уголовно-исполнительном законе даже с учетом лаконичного упоминания о принудительном питании голодающего осужденного в соответствии с ч. 4 ст. 101 УИК РФ);

– согласно ст. 108 военнопленные осужденные имеют право на духовную помощь, которую они пожелают иметь, а в соответствии со ст. 33 духовный персонал из числа задержанных военнопленных, которые также таковыми не должны считаться, вправе оказывать духовную помощь (что серьезно затрудняет контролировать и применять ограничения в этой сфере). Однако в соответствии со ст. 34 военнопленным будет предоставлена полная свобода для выполнения обрядов их религии, включая посещение богослужений, при условии соблюдения ими дисциплинарного порядка, предписанного военными властями; в этом случае в указанном международном акте имеется ограничение на злоупотребление таким правом. Это частично соответствует ч. 2 ст. 14 УИК РФ, где закреплено, что осуществление права на свободу совести и свободу вероисповедания не должно нарушать правила внутреннего распорядка учреждения, исполняющего наказания, а также ущемлять права других лиц.

Кроме указанного, определенное правоограничение имеет место при реализации института репатриации.

Так, в ст. 109 Конвенции дается условное определение репатриации, которая представляет собой отправку на родину тяжело больных и тяжело раненных военнопленных вне зависимости от их звания и количества после того, как они будут в состоянии, допускающем их перевозку. Кроме того, разрешается их госпитализация, а также интернирование в нейтральную страну здоровых лиц, пробывших долгое время в плену.

Перечень из нескольких десятков заболеваний и травм военнопленных, подлежащих непосредственной репатриации, приведен в приложении 1 к Конвенции. К ним относятся следующие: отсутствие одной конечности, паралич, увечье суставов и другие увечья, при условии, что они представляют собой потерю одной руки или одной ноги; увечье, являющееся следствием перелома или другой травмы и сопровождающееся серьезным уменьшением деятельности или способности к перенесению тяжести; осколок снаряда в сердце; металлический осколок в мозгу или легких;

поражения черепа с потерей или смещением костной ткани; ранение или ожог лица с потерей ткани и повреждениями функций; остеомиелит; туберкулез любого органа; тяжелые хронические поражения органов кровообращения; тяжелые хронические заболевания центральной и периферической нервной системы; слепота обоих глаз или одного глаза в том случае, если зрение другого глаза не достигает единицы; расстройство слуха; хронические тяжелые интоксикации; все злокачественные новообразования; тяжелые инфекционные хронические болезни и т. п.

В этом случае очевидно, что кроме боевых ранений ряд заболеваний можно получить путем собственных членовредительных действий: увечье, являющееся следствием перелома или другой травмы, ожог лица с потерей ткани и повреждениями функций, туберкулез любого органа и т. п.

В соответствии со ст. 110 Конвенции непосредственной репатриации до окончания военных действий подлежат:

- неизлечимые раненые и больные, умственные или физические способности которых снизились;
- раненые или больные, которые по прогнозу врачей не могут быть излечены в течение одного года и состояние которых требует ухода;
- излечившиеся раненые и больные, умственные или физические способности которых сильно и навсегда снизились.

Осужденные военнопленные могут быть репатрированы или госпитализированы до окончания отбытия ими наказания при соответствующем согласии державы в плену державы как в период военных действий (ст. 115 Конвенции), так и по окончании их (ст. 119 Конвенции).

В ст. ст. 111, 112, 113 и др. Конвенции предусматривается механизм организации таких репатриации и госпитализации военнопленных с участием различных субъектов, в том числе державы в плену державы, державы, за которой числятся военнопленные, нейтральной державы, а также международной общественной организации в виде Международного комитета Красного Креста.

При этом в ст. 114 Конвенции установлен запрет репатриации военнопленных, совершивших членовредительство. Фактически это положение свидетельствует об обращении внимания на международном уровне на необходимость противодействия членовредительству военнопленных.

Таким образом, российское уголовно-исполнительное и иное законодательство не регламентирует вопросы обращения с военнопленными и не готово к их решению, ввиду чего при возникновении рассматриваемых ситуаций основное внимание будет уделяться международно-правовому регулированию, где в отношении военнопленных предусматривается применение отдельных правовых институтов. Между тем очевидно, что ни в российском уголовно-исполнительном и ином законодательстве, ни в Женевской конвенции «Об обращении с военнопленными» не образована система предупреждения девиантного поведения осужденных военнопленных, ввиду чего система исправительно-профилактического воздействия требует своего совершенствования, особенно в части учета специфических индивидуальных признаков военнопленных. В частности, в национальном законодательстве можно учитывать ряд положений указанного международного акта в части противодействия членовредительству осужденных (что в УИК РФ фрагментарно предусмотрено в ст. 102), в том числе при принятии решения об их освобождении по состоянию здоровья.

Список литературы:

- Алдашкин, М. Ю. (2016). Деятельность адептов религиозных объединений, признанных судом экстремистскими, в среде осужденных: постановка проблемы, специфика противодействия. *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*, 4, 23–26.
- Александров, Ю., Фомин, Д. (2008). Все о суициде. *Преступление и наказание*, 2, 13–19.
- Антонян, Ю. М. (2015). Пенитенциарная периодизация и исправление осужденных. *Международный пенитенциарный журнал*, 4 (4), 6–11.
- Арипшев, А. М. (2021). О некоторых вопросах профилактики терроризма и экстремизма. *Проблемы в российском законодательстве*, 14 (4), 18–20.
- Арчаков, М. К. (2011). Психологические проблемы экстремистской деятельности. *Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 52, 50–54.
- Валиев, Р. Г., Гилязетдинов, М. Р. (2019). Интернационализация и этноконфессиональная социализация как превентивные механизмы преодоления межэтнических конфликтов осужденных. *Вестник Самарского юридического института*, 4 (35), 115–122.
- Гилинский, Я. И. (1998). Девиантология: теория и реальность. *Ученые записки Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии*, 1 (5), 181–186.
- Гилинский, Я. И. (2004). *Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»*. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс.
- Гилинский, Я. И. (2021). *Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»* (4-е изд., испр. и доп.). Санкт-Петербург: Алетейя.

- Дебольский, М. Г. (2008). Суицид как психологический кризис личности. *Преступление и наказание*, 2, 22–23.
- Ермолович, Я. Н. (2012). Влияние норм международного права на военно-уголовное законодательство Российской Федерации. *Библиотека криминалиста*, 1 (2), 252–267.
- Ефанова, Е. В., Дринова, Е. М. (2016). Религиозно-политический экстремизм: особенности и факторы проявления в современном мире к вопросу о распространении исламского радикализма в молодежной среде в современной России (на примере субъектов ЮФО). *Теории и проблемы политических исследований*, 5 (5А), 249–257.
- Ефремова, И. А., Кашуба, Ю. А., Орлов, В. Н. и др. (2022). *Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения*: монография (под общ. ред. А. А. Крымова; под науч. ред. А. П. Скибы) (4-е изд., исправл. и доп.). Москва: Криминологическая библиотека.
- Змановская, Е. В. (2021). Современная российская девиантология: история, методология, социальные вызовы и актуальные тенденции. *Российский девиантологический журнал*, 1 (1), 12–23. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-1-12-23>
- Кириллова, Т. В., Рогов, А. В. (2022). Исследование феномена суицидального поведения подозреваемых, обвиняемых и осужденных. *Российский девиантологический журнал*, 2 (2), 164–180. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-2-164-180>
- Малолеткина, Н. С., Скиба, А. П. (2022). О взаимосвязи репатриации осужденных военнопленных с исправительным воздействием в их отношении. *Вестник Самарского юридического института*. 1 (47), 70–74. <https://doi.org/10.37523/SUI.2022.47.1.009>
- Минстер, М. В. (2018). Реализация некоторых направлений уголовной политики России в отношении женщин. *Уголовно-исполнительное право*, 13 (4), 447–451.
- Михайлов, В. С. (2019). Противодействие проявлениям религиозного экстремизма в местах лишения свободы. *Вестник Самарского юридического института*, 5 (36), 66–70.
- Нистратова, И. С. (2017). Актуальные вопросы исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних, больных социально значимыми заболеваниями. *Уголовно-исполнительное право*, 12 (3), 294–297.
- Нурадинов, А. С., Джумагельдинов, А. Н. (2022). О некоторых проблемах исследования религиозного радикализма и терроризма (на примере опыта Казахстана). *Национальный психологический журнал*, 1 (45), 43–52.
- Ображиев, К. В. (2016). Перспективы кодификации военно-уголовного законодательства. В В. Ф. Лапшин (ред.), *сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Современное состояние и пути развития уголовного права Российской Федерации: научные и учебно-методические аспекты», посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова* (стр. 274–280). Академия ФСИН России.
- Петрянин, А. В. (2013). Пенологические особенности предупреждения преступлений экстремистской направленности. *Вестник Нижегородской академии МВД России*, 23, 101–106.
- Пчелкина, Е. В. (2016). Отечественное законодательство по вопросу обращения с иностранными военнопленными в первую и вторую мировые войны. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 1 (46), 16–22.
- Рудич, В. В., Жилко, И. А. (2021). Противодействие распространению экстремистской и террористической идеологии в местах лишения свободы. *Уголовно-исполнительное право*, 4, 455–460.
- Сажин, В. Л., Юрьев, В. К. (1999). *Здоровье и болезни заключенных. Серия «Мир медицины»*. Санкт-Петербург: Издательство «Лань».
- Скиба, А. П. (2010). Проблемы оценки членовредительства осужденного к лишению свободы при его досрочном освобождении от отбывания наказания. *Уголовное право*, 5, 123–129.
- Скиба, А. П. (2015). Уголовно-исполнительное законодательство в условиях военного положения: изложение проблемы. *Международный пенитенциарный журнал*, 1, 32–37.
- Скиба, А. П. (2019). О некоторых направлениях развития уголовно-исполнительного права. *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Юриспруденция, 4, 77–85. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2019-4-77-85>
- Скиба, А. П. (2020). Правовое положение военнопленных осужденных: постановка проблемы международно-правового, конституционно-правового, уголовно-исполнительного и иного регулирования. *Вестник кузбасского института*, 4 (45), 82–91.
- Смирнов, С. Н., Моисеев, Н. Д. (2021). О некоторых проблемах и перспективах противодействия экстремизму и терроризму в уголовно-исполнительной системе. *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*, 3, 151–155. <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2021-39-3-151-155>

- Сорокин, М. В., Сорокина, О. Е. (2016). Индивидуальная профилактика распространения радикальных разновидностей исламских течений в исправительных учреждениях. *Политика, государство и право*, 6 (54), 16–20.
- Тепляшин, П. В., Тепляшина, Е. А. (2019). Исполнение лишения свободы в отношении пожилых осужденных: перспективы расширения реализации принципа дифференциации. *Вестник Кузбасского института*, 3 (40), 87–96.
- Токаев, Ю. (2003). На больничных койках все равны. *Преступление и наказание*, 5, 36–37.
- Хаустова, Н. А. (2018). Идеологические и психологические аспекты изучения религиозного экстремизма. *Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук*, 1, 47–50.
- Юнусов, А. А., Гуриц, С. Д. (2016). Сравнительно-правовая характеристика реализации международных стандартов в отношении военнопленных и осужденных в России. *Вестник Владимирского юридического института*, 1 (38), 109–112.
- Algranti, J. (2018). The making of an evangelical prison: Study on Neo-Pentecostalism and its leadership processes in the Argentine penitentiary system. *Social Compass*, 65 (5), 549–565. <https://doi.org/10.1177/0037768618800417>
- Jang, S. J., Johnson, B. R., Hays, J., Hallett, M., & Duwe, G. (2018). Religion and Misconduct in “Angola” Prison: Conversion, Congregational Participation, Religiosity, and Self-Identities. *Justice Quarterly*, 35 (3), 412–442.
- Manchado, M. (2016). Reciprocity and governmentality after introducing religious presence in medium and maximum security prisons in the province of Santa Fe (Argentina). *Revista de Antropologia Social*, 25 (1), 35–60. http://dx.doi.org/10.5209/rev_RASO.2016.v25.n1.52624
- Patlasov, O. Y. (2017). The influence of criminal subculture on penal labor: Gaps in legislation and collisions of legal norms. *Russian journal of criminology*, 11 (1), 216–227.
- Tia, T., & Feldiorean, O. (2019). Educational counseling and religious-pastoral psychotherapy in prisons. Structural guidelines for the approach and recuperative intervention. *Astra Salvensis*, 7 (14), 155–171.

References

- Aldashkin, M. Yu. (2016). Deyatel'nost' adeptov religioznykh ob'edinenij, priznannykh sudom ekstremistskimi, v srede osuzhdennykh: postanovka problemy, specifika protivodejstviya. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*, 4, 23–26.
- Aleksandrov, Yu., Fomin, D. (2008). Vse o suicide. *Prestuplenie i nakazanie*, 2, 13–19.
- Antonyan, Yu. M. (2015). Penitenciar'naya periodizaciya i ispravlenie osuzhdennykh. *Mezhdunarodnyj penitenciar'nyj zhurnal*, 4 (4), 6–11.
- Aripshv, A. M. (2021). O nekotorykh voprosah profilaktiki terrorizma i ekstremizma. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*, 14 (4), 18–20.
- Archakov, M. K. (2011). Psihologicheskie problemy ekstremistskoj deyatel'nosti. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 52, 50–54.
- Valiev, R. G., Gilyazetdinov, M. R. (2019). Internacionalizaciya i etnokonfessional'naya socializaciya kak preventivnye mekhanizmy preodoleniya mezhetnicheskikh konfliktov osuzhdennykh. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, 4 (35), 115–122.
- Gilinskij, Ya. I. (1998). Deviantologiya: teoriya i real'nost'. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii*, 1 (5), 181–186.
- Gilinskij, Ya. I. (2004). *Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugih «otklonenij»*. Saint Petersburg: Yuridicheskij centr Press.
- Gilinskij, Ya. I. (2021). *Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugih «otklonenij»* (4-e izd., ispr. i dop.). Saint Petersburg: Aletejya.
- Debol'skij, M. G. (2008). Suicid kak psihologicheskij krizis lichnosti. *Prestuplenie i nakazanie*, 2, 22–23.
- Ermolovich, Ya. N. (2012). Vliyanie norm mezhdunarodnogo prava na voenno-ugolovnoe zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii. *Biblioteka kriminalista*, 1 (2), 252–267.
- Efanova, E. V., Drinova, E. M. (2016). Religiozno-politicheskij ekstremizm: osobennosti i faktory proyavleniya v sovremennom mire k voprosu o rasprostranenii islamskogo radikalizma v molodezhnoj srede v sovremennoj Rossii (na primere sub'ektov YUFO). *Teorii i problemy politicheskikh issledovanij*, 5 (5A), 249–257.
- Efremova, I. A., Kashuba, Yu. A., Orlov, V. N. i dr. (2022). *Ugolovno-ispolnitel'noe zakonodatel'stvo v usloviyah stihijnogo bedstviya, vvedeniya chrezvychajnogo ili voennogo polozeniya: monografiya* (pod obshch. red. A. A. Krymova; pod nauch. red. A. P. Skiby) (4-e izd., ispravl. i dop.). Moscow: Kriminologicheskaya biblioteka.
- Zmanovskaya, E. V. (2021). Sovremennaya rossijskaya deviantologiya: istoriya, metodologiya, social'nye vyzovy i aktual'nye tendencii. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 1 (1), 12–23. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-1-12-23>

- Kirillova, T. V., Rogov, A. V. (2022). Issledovanie fenomena suicidal'nogo povedeniya podozrevaemyh, obvinyaemyh i osuzhdennyh. *Rossiiskij deviantologicheskij zhurnal*, 2 (2), 164–180. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-2-164-180>
- Maloletkina, N. S., Skiba, A. P. (2022). O vzaimosvyazi repatriacii osuzhdennyh voennoplennyh s ispravitel'nyim vozdeystviem v ih otnoshenii. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 1 (47), 70–74. <https://doi.org/10.37523/SUI.2022.47.1.009>
- Minster, M. V. (2018). Realizaciya nekotoryh napravlenij ugolovnoj politiki Rossii v otnoshenii zhenshchin. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*, 13 (4), 447–451.
- Mihajlov, V. S. (2019). Protivodejstvie proyavleniyam religioznogo ekstremizma v mestah lisheniya svobody. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, 5 (36), 66–70.
- Nistratova, I. S. (2017). Aktual'nye voprosy ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii nesovershennoletnih, bol'nyh social'no znachimymi zabolevaniyami. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*, 12 (3), 294–297.
- Nuradinov, A. S., Dzhumage'dinov, A. N. (2022). O nekotoryh problemah issledovaniya religioznogo radikalizma i terrorizma (na primere opyta Kazahstana). *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, 1 (45), 43–52.
- Obrazhiev, K. V. (2016). Perspektivy kodifikacii voenno-ugolovnogogo zakonodatel'stva. V V. F. Lapshin (red.), *sbornik materialov Vserossiiskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya ugolovnogogo prava Rossiiskoj Federacii: nauchnye i uchebno-metodicheskie aspekty», posvyashchennoj pamyati professorov kafedry ugolovnogogo prava V. A. Eleonskogo i N. A. Ogurcova* (str. 274–280). Akademiya FSIN Rossii.
- Petryanin, A. V. (2013). Penologicheskie osobennosti preduprezhdeniya prestuplenij ekstremistskoj napravlennosti. *Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii*, 23, 101–106.
- Pchelkina, E. V. (2016). Otechestvennoe zakonodatel'stvo po voprosu obrashcheniya s inostrannymi voennoplennymi v pervuyu i vtoruyu mirovyje vojny. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura*, 1 (46), 16–22.
- Rudich, V. V., Zhilko, I. A. (2021). Protivodejstvie rasprostraneniya ekstremistskoj i terroristicheskoy ideologii v mestah lisheniya svobody. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*, 4, 455–460.
- Sazhin, V. L., Yur'ev, V. K. (1999). *Zdorov'e i bolezni zaklyuchennyh. Seriya «Mir mediciny»*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Lan».
- Skiba, A. P. (2010). Problemy ocenki chlenovreditel'stva osuzhdennogo k lisheniyu svobody pri ego dosrochnom osvobozhdenii ot otbyvaniya nakazaniya. *Ugolovnoe pravo*, 5, 123–129.
- Skiba, A. P. (2015). Ugolovno-ispolnitel'noe zakonodatel'stvo v usloviyah voennogo polozheniya: izlozhenie problemy. *Mezhdunarodnyj penitenciar'nyj zhurnal*, 1, 32–37.
- Skiba, A. P. (2019). O nekotoryh napravleniyah razvitiya ugolovno-ispolnitel'nogo prava. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya*, 4, 77–85. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2019-4-77-85>
- Skiba, A. P. (2020). Pravovoe polozhenie voennoplennyh osuzhdennyh: postanovka problemy mezhdunarodno-pravovogo, konstitucionno-pravovogo, ugolovno-ispolnitel'nogo i inogo regulirovaniya. *Vestnik kuzbasskogo instituta*, 4 (45), 82–91.
- Smirnov, S. N., Moiseev, N. D. (2021). O nekotoryh problemah i perspektivah protivodejstviya ekstremizmu i terrorizmu v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme. *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, 151–155. <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2021-39-3-151-155>
- Sorokin, M. V., Sorokina, O. E. (2016). Individual'naya profilaktika rasprostraneniya radikal'nyh raznovidnostej islamskih techenij v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah. *Politika, gosudarstvo i pravo*, 6 (54), 16–20.
- TePLYashin, P. V., TePLYashina, E. A. (2019). Ispolnenie lisheniya svobody v otnoshenii pozhilyh osuzhdennyh: perspektivy rasshireniya realizacii principa differenciacii. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, 3 (40), 87–96.
- Tokaev, YU. (2003). Na bol'nichnyh kojках vse ravny. *Prestuplenie i nakazanie*, 5, 36–37.
- Haustova, N. A. (2018). Ideologicheskie i psihologicheskie aspekty izucheniya religioznogo ekstremizma. *Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya obshchestvennyh i gumanitarnykh nauk*, 1, 47–50.
- Yunusov, A. A., Guric, S. D. (2016). Sravnitel'no-pravovaya harakteristika realizacii mezhdunarodnykh standartov v otnoshenii voennoplennyh i osuzhdennyh v Rossii. *Vestnik Vladimirs'kogo yuridicheskogo instituta*, 1 (38), 109–112.
- Algranti, J. (2018). The making of an evangelical prison: Study on Neo-Pentecostalism and its leadership processes in the Argentine penitentiary system. *Social Compass*, 65 (5), 549–565. <https://doi.org/10.1177/0037768618800417>
- Jang, S. J., Johnson, B. R., Hays, J., Hallett, M., & Duwe, G. (2018). Religion and Misconduct in “Angola” Prison: Conversion, Congregational Participation, Religiosity, and Self-Identities. *Justice Quarterly*, 35 (3), 412–442.
- Manchado, M. (2016). Reciprocity and governmentality after introducing religious presence in medium and maximum security prisons in the province of Santa Fe (Argentina). *Revista de Antropologia Social*, 25 (1), 35–60. http://dx.doi.org/10.5209/rev_RASO.2016.v25.n1.52624

Patlasov, O. Y. (2017). The influence of criminal subculture on penal labor: Gaps in legislation and collisions of legal norms. *Russian journal of criminology*, 11 (1), 216–227.

Tia, T., & Feldiorean, O. (2019). Educational counseling and religious-pastoral psychotherapy in prisons. Structural guidelines for the approach and recuperative intervention. *Astra Salvensis*, 7 (14), 155–171.

Информация об авторе:

Андрей Петрович Скиба – профессор кафедры уголовно-исполнительного права, доктор юридических наук, профессор.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

About the author:

Andrey P. Skiba – Professor of the Department of Penal Enforcement Law, Doctor of Law, Professor.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 09.09.2022

Одобрена после рецензирования 10.10.2022

Опубликована 29.10.2022

Submitted September 9, 2022

Approved after reviewing October 10, 2022

Accepted October 29, 2022